

Действующая армия. Рядовые, сержанты и офицеры Красной Армии, первыми вышедшие на государственную границу с Восточной Пруссией (слева направо): командир отделения В. Закаблук, рядовой А. Тхоровский, старший лейтенант В. Зайцев, младший лейтенант В. Иванников, сержант А. Голохвастов, старшина В. Лукьянчиков, капитан Г. Губкин, старший лейтенант В. Евдокимов, капитан П. Юргин, капитан Е. Мазикин, рядовой Н. Ушаков, старший сержант Б. Харитонов.

Фото военного корреспондента «Правды» С. Короткова.

Командир батальона капитан Георгий Губкин не спал. В черной ночи перед ним вспыхивали огни разрывающихся снарядов, мертвенно бледным светом горели немецкие ракеты, и где-то на правом фланге ворчал неугомонный пулемет. Капитану точно было известно расположение немецких пушек и пулеметов, известна была линия траншей вдоль последней приграничной дороги, известен был даже рельеф местности — лощины, овраги, проселочные дороги и клеверное поле, которое он рассмотрел вчера в бинокль. И людей своего батальона он знал хорошо: ведь с ними прошел через сотни русских, белорусских и литовских сел и деревень, с ними форсировал Березину и Неман, штурмовал большие города, станции, улицы и дома.

А теперь осталось около двух километров, осталось последнее препятствие — дорога, а за ней клеверное поле и спокойная Шешупа — край родной земли.

Вечером в дымке тумана он видел немецкий город Ширвиндт, острые шпили его кирки, красную черепицу крыш и зеленую посадку деревьев вдоль дороги, убегающей в Германию. Он долго рассматривал карту, исчерченную карандашом вдоль и поперек, и видел на ней треугольнички своих рот и взводов, кружки пушек и ромбики танков. За каждым таким знаком он видел живых людей, которых знал в лицо и которые сейчас по его приказу пойдут в бой. Атаку Губкин представлял себе очень реально и был уверен в ее успехе.

Он невольно вспомнил слова приказа товарища Сталина: «...восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцова моря».

На его, Георгия Губкина, долю выпало счастье выполнить эту историческую миссию на маленьком клочке земли у реки Шешупы. Он волновался и ежeminутно одергивал гимнастерку. Ночь уходила. Необъятный купол неба с осколком луны начинал уже бледнеть, на востоке рдела дымная заря, когда батальон пошел в атаку. Последний разговор с командиром роты земляком Василием Зайцевым, первые выстрелы орудий, учащенные очереди автоматов и, наконец, радостное «ура», доносившее ветром, окончательно успокоили комбата.

Немцы, засевшие в траншеях, вырытых перед дорогой, оказали батальону сильное сопротивление. Их мины визжали над головой и рвались в клевере, нервная дробь автоматов и очереди пулеметов прижимали солдат к траве, пушки, бившие из Пруссии, поднимали в воздух землю и оставляли пахнущие гарью воронки. Но батальон не останавливался. Бойцы по-пластунски ползли по мокрой от росы траве, по пыльной дороге, затем вскакивали и с криком «ура» бежали вперед, потом вновь ползли. Каждый из них понимал, что пробегает, проходит или проползает последний километр родной земли.

Командир роты Василий Зайцев от всего сердца воскликнул:

(От военного корреспондента «Правды»)

— До границы рукой подать, товарищи... Вперед!

И по всему полю прокатилось могучее русское «ура», сильнее становился огонь, увереннее шаг.

Командир отделения — молодой парень, живлянин Виктор Закаблук смотрел на туманные силуэты берега и кричал:

— Там вот Германия, ребята, — и вел бойцов вперед.

Александр Чернобаев и его помощник Демьян Варенный выдвинулись с пулеметом на 100 метров и длинной очередью заставили умолкнуть немецкий пулемет, который мешал наступлению. Весь стрелковый батальон Губкина, танкисты капитана Турчака и минометчики капитана Михайлова действовали согласованно и умело. Когда появлялся огонь немецкого пулемета, тотчас туда летели наши мины; когда немцы долго засиживались в траншеях, туда шли наши танки; когда выяснялось, что перекресток дорог хорошо защищен, роты шли в обход за маленький словый лесок и выходили в тылу врага. В этот час все — и Виктор Закаблук, который мстил за убитую немцами свою сестру Марию, и Герасимчук, который мстил за убитую жену, за убитых своих детей, за сожженный дом, и все бойцы и офицеры, видевшие родные села и города в огне, в дыму, в развалинах, — все в этот час были охвачены чувством святой мести.

Поэтому, когда был тяжело ранен Демьян Варенный, на его место к пулемету немедленно встал Алексей Пучков. Поэтому ушел из госпиталя и прибежал на поле боя старший сержант Семен Черкасов. Поэтому не покинул боя раненый парторг Суханов, не заметил ранения и продолжал стрелять из пушки раненый младший сержант Чепурной.

Люди сражались самоотверженно. И батальон капитана Павла Юргина, который, точно соревнуясь с Губкиным, быстро приближался к границе, и вся эта дивизия и соседние дивизии шли к реке Шешупе согласованно, решительно, не теряя ни одной лишней минуты.

Между тем дорога была пройдена, до реки оставалось несколько сот метров. Здесь уже валялись трупы немцев, перевернутые пушки, шинели, автоматы, каски.

Батальоны подходили к границе. Было 7 часов утра. Роте Василия Зайцева оставалось 50 метров до реки. Несколько правее приближалась к границе рота старшего лейтенанта Евдокимова. Люди спешили, вступали в рукопашный бой, били немцев прикладами, кололи штыком, забрасывали гранатами.

Сержант Али Рзаев был ранен осколком мины в ногу. Он упал и, схватившись рукой за рану, прошептал: «Сколько верст прошагал и вдруг...», затем осмотрелся и крикнул бегущему к границе солдату Волошуку:

— Сюда! Ко мне... Вот тебе красный флаг, донеси его до границы и поставь там.

Я буду знать, что земля наша на моем участке очищена...

Ровно в 7 часов 30 минут утра отделение Виктора Закаблук достигло государственной границы Советского Союза.

Закаблук поднял свой автомат и крикнул:

— Товарищу Сталину «ура»!

Все отделение восторженно подхватило этот возглас. Раздался салют из автоматов, и бойцы вновь крикнули «ура».

К отделению подбежал командир роты Василий Зайцев. Его фуражка была окутана защитной материей, на груди его — орден Отечественной войны, гвардейский значок и над ним пять ленточек — пять ранений. Много раз пытались немцы убить дальневосточного пограничника Василия Зайцева, но он убил их, и здоровый, широкоплечий, улыбающийся пришел на границу. Сильные его руки держали знамя, плещущееся на ветру. Это значило, что батальон Георгия Губкина выполнил приказ командования — вышел к границе.

Одновременно на другом участке батальон капитана Юргина после упорного боя также подошел к границе в районе пограничного столба № 56, и новое «ура» повалилось и зашумело над рекой...

Георгий Губкин после боя облегченно вздохнул, присел и написал:

«Товарищ Верховный Главнокомандующий!

Трудно подобрать слова, чтобы выразить Вам те чувства и мысли, которые наполняли мою душу в момент нашего выхода на государственную границу Советского Союза с Германией... Может быть, это признание будет нескромным, но я все же скажу, что в этот момент я чувствовал себя самым счастливым человеком...»

У реки шла перестрелка. Наши пехотинцы и артиллеристы вели бой с противником через реку, и под грохот орудий Василий Зайцев нашел минуту и тоже написал письмо товарищу Сталину:

«Я рапортую Вам по службе и по душе. В 7 часов 30 минут на мою долю выпала честь первым водрузить наше победоносное красное знамя на государственной границе... Праздник, который Вы предсказывали, пришел на нашу улицу...».

Один за другим подходили к реке Шешупе батальоны, полки. Артиллеристы подтягивали гаубицы. Агитаторы читали вслух специальный номер газеты «Уничтожим врага»...

А в полдень на передовых позициях появился письмомосец Степан Дьякун — любимый солдат и офицеров. Он принес письмо герою дня Виктору Закаблук от отца Михаила Никифоровича — рядового Красной Армии, который перешагнул границу на другом участке фронта — в Руминии. Так переклинулись отец и сын. Каждый на своем участке мечом защищал советскую страну от врага и поклялся никогда не пускать ворогов на священную землю любимой Родины. Никогда!

Мартын МЕРЖАНОВ.

Действующая армия, 25 августа. (Доставлено самолетом).